

Г. Е. Марков

ОТ УПАДКА К ВОЗРОЖДЕНИЮ.

(Немецкое народоведение после
второй мировой войны: проблемы теории)

Шли последние недели Великой войны. Догорали руины разрушенной в ожесточеннейших и кровопролитных боях «крепости Бреслау». Ни линии фронта, ни каких-либо боевых порядков в условиях уличных боев не существовало. Обычным тогда было, что наши бойцы занимали один этаж полуразрушенного дома, а нацисты — другой. Нередко фронт проходил по двум сторонам полуразрушенной стены, поэтому противники стреляли не друг в друга, а в противоположащие руины зданий.

В один из тех дней группа бойцов, укрывшись под одной из таких стен за разбитым оконным проемом, поддерживала огнем стоявшую рядом «сорокапятку». В краткие минуты перерыва между шквалами огня я положил на что-то свой автомат. Это «что-то» оказалось толстой книгой. Сбросив с нее обломки штукатурки, кирпича и пыль, я прочел на обложке: *Adolf Bach. Deutsche Volkskunde.* (Адольф Бах. Немецкое народоведение). Вечером, когда мы сменили позиции и разместились в подвалах городского полицейского управления, я стал просматривать первые страницы моего «трофея». Однако дальше первого параграфа я не продвинулся — снова разгорелся бой.

Закончилась война. Трудное послевоенное время прошло в учении в университете. Затем начались мои многолетние исследования по истории кочевничества, этнологии Азии и другим проблемам культуры народов мира. Однажды я вспомнил о днях и ночах в горящем и грохочущем Бреслау, о своей находке книги «Немецкое народоведение» и решил теперь прочитать до конца труд Адольфа Баха. С этого и началось мое многотрудное постижение немецкой науки о народах, этнологии и народоведении.

Предлагаемую ниже читателям статью о судьбе народоведения в послевоенное время я посвящаю памяти прошлых дней, моих боевых товарищей и славному юбилею 50-летия нашей Победы в Великой Отечественной войне.

* * *

Народоведение¹ в Западной Германии. К концу второй мировой войны народоведение в Германии находилось в состоянии стагнации и сильнейшего идеологического и политического кризиса, так как ряд его традиционных теоретических положений, тесно связанных с романтической германистикой, оказался не только предтечей нацистской идеологии, но и лег в ее основу. Многие народоведы были активными сторонниками нацистского режима. Таков печальный итог, к которому пришло немецкое народоведение за почти 100-летие своего существования. В общем же он сводился к тому, что при значительном объеме весьма доброкачественных публикаций в области теории народоведения за годы нацизма потерпело полный крах.

Связи народоведения с нацизмом были настолько очевидны, что после войны встал вопрос о дальнейшем праве народоведения на существование как самостоятельной науки. В конечном итоге оно сохранилось, но при этом начались длительные многолетние дискуссии о том, в каком направлении развиваться науке далее. Кроме того, был предпринят ряд попыток осмыслить роль народоведения в обществе, начиная с эпохи братьев Гримм и Рила и до времени крушения Третьей империи. Развернувшиеся обсуждения сопровождались резкой поляризацией взглядов в научном сообществе, острыми столкновениями между

представителями нового поколения ученых, выступавшими против общепринятого «канона», и исследователями старшего поколения, стремившимися реабилитировать и свое прошлое, и даже неблагоприятную деятельность многих своих коллег.

В первые послевоенные годы в Западной и Восточной Германии возобновились публикации эмпирических исследований по народоведению. Одновременно стали появляться работы, затрагивавшие теоретические проблемы народоведения; началось обсуждение той ситуации, которая сложилась в этой науке после войны. Одним из первых с критикой традиционного народоведения выступил социолог Х. Маус. Он потребовал его ликвидации как скомпрометировавшего себя тесными связями с нацизмом. Однако пороки народоведения он оценивал несколько односторонне, утверждая, что нацисты смогли использовать эту науку только вследствие неясности ее проблематики и приверженности к романтическому пониманию «народно-немецкого» (*der romantische Volksbegriff*), игнорирования социальных изменений, происходивших в Германии в XIX — начале XX в. Маус предложил создать новую универсальную науку о народах, включающую и проблематику народоведения. По его словам, «вместо любования музейными раритетами» следует обратиться к изучению социальных явлений в целях исследования существа «народного» (*Volkstum*), т. е. практически к тому, чем занималось народоведение в преднацистское и нацистское время². Сходные мысли высказали и другие исследователи³.

Идеи Х. Мауса вызвали резкие возражения со стороны ряда ученых и прежде всего Вилля-Эриха Пеукерта. Он справедливо заметил, что и в прошлом многие народоведческие работы ориентировались на социологию и этнологию, что велось исследования не только традиционной крестьянской культуры, но и городского населения, в том числе пролетариата, что наряду с «историческим» (т. е. обращенным только к пережиткам прошлого) существовало также народоведение, исследовавшее современные проблемы. Пеукерт был категорически против передачи народоведческой тематики в ведение других наук. Он сформулировал свое понимание сути народоведения и его задач, что в известной мере положило начало бурным дискуссиям в последующие десятилетия. По мнению Пеукерта, основная задача народоведения — это исследование «мировоззрения и душевного склада, склада характера» (*Weltbild und Wesenart*) народных групп, занимающих определенную территорию (*der räumlichen volkhaften Gruppen*). При этом наиболее фундаментальная задача, по Пеукерту, состоит в выяснении всех движущих сил и форм «народного» (*volkstums*)⁴.

Разумеется, ученый был прав, утверждая, что в народоведении не только рассматривались «антикварные» вопросы, но и поднимались проблемы социального характера, изучалась современность, хотя до 1945 г. эти проблемы не были особенно широко представлены в народоведении. Требование Пеукерта изучать «народное немецкое» свидетельствует о том, что он в принципе остался на традиционных позициях народоведения, базировавшихся на представлениях, которые восходили к романтической германистике о «народном», особом существе немцев. Их психические особенности Пеукерт настойчиво призывал изучать в свете положений Боннской культурно-географической школы о «культурном пространстве» и идей А. Баха. Исследователь неустанно повторял, что народоведение — историческая наука. Однако «историзм» им понимался весьма своеобразно — так, как он традиционно трактовался в немецком народоведении и этнологии, т. е. механистически⁵.

Можно заметить, что Пеукерт заимствовал некоторые элементы учения Л. Фробениуса и Ф. Гребнера о культурных кругах, но понимал их как явления, основанные на психических свойствах. Исходя из этого, он ввел довольно труднопереводимое понятие: «культуры, определяемые групповым духом (или сознанием), как основная идея народоведения» (*gruppengerichtete Kulturen, als volkskundliche Leitgedanke*). Ученый задался целью построить «исторический» ряд

культур: предкрестьянской, крестьянской, буржуазной, социалистической, причем каждый период культуры являлся воплощением «главной мысли»⁶.

В немецкой историографии Паукерт оценивается в целом как прогрессивный ученый, однако на деле он призывал сохранить народоведение в неизменном виде, делая лишь больший акцент на изучение социальных явлений. Психологизация и схематизация Пеукертом культурных явлений вызвали возражения со стороны многих исследователей, но широкая дискуссия по этим проблемам развернулась только в начале 50-х годов.

Гипертрофированный психологизм в трактовке существа культурных явлений проявился и в ряде других послевоенных исследований. В качестве примера можно привести «Атлас немецкого народоведения». При его создании в первую очередь ставилась цель исследования душевно-духовных реакций индустриальных рабочих и выяснения, каким образом «группы общества» превращаются в «народное сообщество», «народ»⁷.

Сразу же после завершения войны в западных областях оккупированной Германии в народоведении возникло направление по изучению групп населения, переселившихся из восточных областей (Ostvertriebene). В какой-то степени оно было связано с исследованиями традиционных, но уже исчезнувших культурных черт в наиболее развитых областях Германии. В целом же это направление отражало настроения определенных кругов, стремившихся к ревизии результатов второй мировой войны. В этом отношении показательна позиция известного народоведа М. Х. Бозма, который писал, что «основная задача народоведения состоит в защите требований возвращения Германии незаконно отторгнутых окраинных областей»⁸.

Таким образом, уже в первые послевоенные годы, несмотря на сильную оппозицию, которую народоведение встречало со стороны самых различных кругов в науке и обществе, оно стало быстро возрождаться.

Особенно интенсивно этот процесс начал разворачиваться в конце 50-х — начале 60-х годов. Для профессоров, считавшихся жертвами нацизма, были созданы кафедры народоведения: в Бонне для К. Майсена, в Тюбингене для В. Э. Пеукерта. В Бонне открылся семинар по народоведению и продолжилась работа над «Атласом немецкого народоведения» в Институте исторического страноведения (К. Майсен, М. Цендер). Научная деятельность и преподавание народоведения велись в Людвиг-Уланд университете г. Тюбингена (Г. Баузингер). В Геттингене стал действовать семинар немецкого народоведения (К. Ранке, Х. Моллер, В. Э. Пеукерт), в Мюнхене — семинар немецкого и сравнительного народоведения (Л. Кретценбахер и др.) и исследовательский центр баварского народоведения, в Гамбурге — семинар немецкой истории и народоведения (В. Хаверник, Г. Фреуденталь). Исследования по народоведению проводились при университетах в Киле (Д. Крамер и др.), Майнце (Г. Вигельман), Марбурге (Г. Хейльфурт, М. Вебер-Келлерман), Эрлангене, Франкфурте-на-Майне, Фрейбурге/Брейсгау, Гессене, Вюрцбурге⁹.

Что касается проблематики исследований, то она состояла как из традиционно разрабатывавшихся в немецком народоведении вопросов, так и из некоторых новых направлений. Хотя во многих публикациях того времени декларировалось, что народоведение отходит от чисто немецкой проблематики, на деле большая часть исследований посвящалась немецкоязычному населению (правда, в отдельных случаях рассматривались общеевропейские проблемы).

В народоведении стало складываться несколько направлений, ряд из которых оказался под сильным влиянием социологии и культурологии, нередко вытеснявших собственно народоведческую тематику.

Более чем два десятилетия — с 50-х и до начала 70-х годов — были ознаменованы для народоведения Западной Германии, впрочем, как для Австрии и немецкоязычной Швейцарии, разворачиванием бурных теоретических дискуссий, в ходе которых обсуждались кардинальные проблемы народоведения. Начало им

положило выступление австрийских и швейцарских ученых, поставивших вопрос о необходимости переосмысления всех проблем, связанных с народоведением. Развернулись споры о целях и задачах, основных объектах исследования, значении изучения современных культурно-бытовых проблем, образа жизни сельского и городского населения. Рассматривались методологические и политические проблемы в связи с критикой пережитков традиций романтической германистики, продолжавших бытовать в народоведении (критика «канона»). Обсуждался и ряд практических вопросов, в частности проблемы взаимоотношения населения Германии с немцами, переселявшимися с Востока (из Польши, России, Чехословакии), и с иностранными рабочими.

В 1951 г. состоялся Первый конгресс народоведения, на котором с торжественной речью о значении народоведения в изучении культуры выступил известный музыковед и народовед Карл Ильг¹⁰. Обзор того, как развивалась после 1930 г. теория народоведения, был опубликован В. Э. Пеукертом и О. Лауфером¹¹.

После выхода в свет книги австрийского народоведа Г. Корена¹² и выступления в 1952 г. на Втором конгрессе народоведения К. Мейсена последовали статьи Виктора фон Герамба и ряда других исследователей о понятии «народное» (Volkish), начались дискуссии о соотношении народоведения и этнологии¹³. В связи с поднятой проблемой выступил также известный этнограф из ГДР В. Штайниц¹⁴. Однако дискуссия, как небезосновательно полагали некоторые авторы, внесла еще большую путаницу в рассматриваемые вопросы¹⁵.

В 1954 г. внимание народоведов привлекла статья Г. Мозера о целях и задачах науки о народах¹⁶. В следующем году К. Майсен поставил вопрос о народоведении как о социальной науке¹⁷, а Г. Фреуденталь предпринял малоуспешную попытку дать оценку высказанным в ходе обсуждений взглядам¹⁸.

В целом для немецкого народоведения второй половины 1950-х годов были характерны отход значительной части исследователей от позиций романтической германистики и распространение идей и методов функционализма и американской культурой антропологии.

Значительным событием для немецкого народоведения было переиздание в 1960 г. основного труда А. Баха «Немецкое народоведение», в котором он практически сохранил свои прежние позиции, связанные с «народной идеологией» и крайней психологизацией явлений культуры, изложенные им в предыдущем издании книги, которая появилась в свет в нацистское время¹⁹. Книга Баха вызвала многочисленные и весьма разноречивые отклики. С одной стороны, признавалась и высоко оценивалась огромная эрудиция автора, с другой стороны, его взгляды вызвали у многих ученых протест, что привело к расширению дискуссии в 60-е годы.

Одним из тех, кто первым стал резко выступать против традиционных положений в народоведении, был Херман Баузингер. Его дискуссионные статьи конца 60-х — начала 70-х годов оказали существенное воздействие на ход и направление споров в народоведении и положили начало кардинальной критике «канона» и нацистского прошлого народоведения и «народной идеологии»²⁰.

В 1968 г. в Киле состоялась дискуссия по проблемам народоведения, во время которой ряд выступавших осудили критику Баузингером «канона». Но общность мнений по обсуждаемым вопросам целей и задач народоведения и в этот раз достигнута не была, и основное значение дискуссии состояло в том, что все более широкий круг исследователей вовлекался в обсуждение теоретических проблем²¹.

Особенно острые дискуссии развернулись в народоведении с начала 70-х годов. В ходе их были затронуты почти все проблемы, связанные с изучением немецкоязычного населения, задачами и наименованием науки.

Обширный круг вопросов обсуждался в 1970 г. на конгрессе народоведения в Фалькенштейне, немалая часть участников которого были сторонниками методов американской культурной антропологии и «социологизации» народоведения. Шли споры о понятийном аппарате науки, ее основных проблемах и тенденциях развития. Многие участники дискуссий высказывали мнение, что науку о немец-

язычном населении следует переименовать в связи с новым пониманием ее существа и задач. Были предложены термины «культурная антропология», «культурология», «культурная социология», «социальная антропология». Как свидетельствуют опубликованные «фалькенштейнские протоколы», ни одно из разногласий относительно теоретических проблем и переименования науки устранено не было²².

Начало 70-х годов ознаменовалось также участием в дискуссии «молодых реформаторов» — представителей послевоенного поколения ученых, выступивших вслед за Баузингером против «канона». Многие из них считали себя марксистами, большей частью в левацком духе.

Бурные дискуссии, продолжавшиеся в немецком народоведении более двух десятилетий, так и не привели к каким-либо положительным результатам, за исключением критики народоведения в годы нацизма и пережитков «народной идеологии». В связи с этим уже во второй половине 70-х годов дискуссионный накал начал спадать и выступления по теоретическим вопросам стали, в сравнении с предшествовавшим временем, относительно редкими. На первое место вышли эмпирические исследования.

Участников дискуссий условно можно отнести к нескольким теоретическим направлениям, которые начали определяться, но так до конца и не сложились. Что касается методологических проблем, то основные противоречия проявились между сторонниками «деидеологизации» народоведения (что означало на деле отстаивание традиционных позиций) и представителями молодого послевоенного поколения ученых, выступавшими против «канона», за создание нового народоведения.

Часть исследователей придерживались так называемого «исторического народоведения». Довольно большое распространение получила «культурно-антропологическая программа», базировавшаяся на американской культурной антропологии. Большинство же народоведов продолжало отстаивать позиции традиционного немецкого народоведения. Имелись сторонники и так называемого «сравнительного народоведения», выступавшие за объединение народоведения с этнологией и бывшие ближе к «культурно-антропологической программе». Представители боннской «культурно-географической школы» принимали в спорах небольшое участие, полагая, что главная задача народоведения состоит не в теоретизировании, а в сборе и публикации фактического материала в связи с программой *Kulturraumforschung*.

С наиболее радикальными взглядами и критикой традиционных положений немецкого народоведения выступила группа сторонников довольно пестрого по своей идейной направленности «критического социально-научного направления». Наконец, часть участников дискуссий вообще трудно отнести к какому-либо из направлений из-за неопределенности их позиции.

Более детальное рассмотрение теоретических течений того времени следует, очевидно, начать со взглядов Баха как наиболее известного и авторитетного в довоенное и послевоенное время исследователя. Среди видных деятелей послевоенного германского народоведения Бах был, пожалуй, самым последовательным приверженцем традиционных концепций в духе боннской «культурно-географической школы» и признания психических свойств основой культурного развития. Как уже отмечалось, новое издание труда Баха мало чем отличалось от довоенного. Сохранились близкие романтической германистике и нацизму положения «народной идеологии», формулировки и общие теоретические установки. Исправлены были только отдельные, наиболее одиозные положения, прямо восхвалявшие нацизм.

Автор во введении, повторяя написанное им ранее, утверждал, что предмет народоведения состоит в исследовании мировоззрения и душевного склада анонимного члена немецкого общества (*Weltbild und Wesensart des unbekanntem deutschen Volksgenossen*)²³. При этом все особенности немецкого народа Бах усматривал в его психических и расовых признаках.

Первая часть книги посвящена проблемам историографии, причем автор не

только обошел молчанием нацистское прошлое народоведения, но и приложил немало усилий к тому, чтобы оправдать неблагоприятную деятельность многих народоведов.

Вторая часть посвящена проблемам, системам и методам немецкого народоведения, причем Бах говорит прежде всего о германском народоведении и попутно о некоторых австрийских и швейцарских исследователях. Он рассматривает предмет народоведения, способы наблюдения явлений народной жизни, причем особое внимание уделяет взаимосвязи физических и психических свойств народа в свете пресловутой расовой «теории». По Баху народ — это единство «крови и территории», т. е. он фактически повторяет нацистское положение о «земле и крови». Все духовные признаки у автора расово обусловлены. Немцев он относит к «нордической расе», используя превосходную степень прилагательных при описании их свойств. Бах рассматривает немцев как носителей идеи господства вождей над массами, индустриализации и прогресса в Европе и Америке. Соответственно отрицательными характеристиками Бах наделяет представителей «восточной расы».

В целом идеи Баха не нашли поддержки у большинства народоведов. Тем не менее его психологизм в подходе к изучению культуры в той или иной степени нашел отражение в концепциях ряда направлений в народоведении, так или иначе разделявших позиции «канона». Вместе с тем некоторые отклики на новое издание труда Баха были весьма резкими²⁴.

Еще в начале 1950-х годов сложилось «историческое народоведение», к числу сторонников которого можно с рядом оговорок отнести Г. Мозера и К. С. Крамера, хотя последний это категорически отрицал, а также И. Дюннингера, Г. Фреуденталь, Л. Петцольда и других ученых.

Часть сторонников этого направления продолжала в какой-то мере придерживаться традиционных установок народоведения, в том числе и связанных с «народной идеологией», с отрицанием классового характера культуры и ее связи с общественно-политическими процессами. Вместе с тем при всем разнообразии взглядов для сторонников «исторического народоведения» были характерны широкий подход к изучению культурно-бытовых явлений, стремление изучать их во временном изменении (*Zeitwandel und Tradition*). Однако «изменения» рассматривались не как процесс развития, а как метафизическая смена одних культурных этапов другими.

Одним из тех, кто в послевоенные годы первым выступил с позиций «исторического народоведения», был Фреуденталь, многие положения которого, кстати, содержались в работах авторов предшествовавших десятилетий. Он являлся противником альтернативного понимания народоведения только как науки о прошлом (по Фреуденталю — «антикварное направление») или только о настоящем. Исследователь рассматривал весь культурно-исторический процесс как последовательную смену эпох: прошлых — «исторических» и современных — «презентистских». Каждую историческую эпоху сменяла презентистская, причем прошлое «стряхивалось как тяжесть», и вырабатывались новые понятия и культурные явления. Со временем презентистская эпоха сама становилась «исторической», и наступала новая презентистская эпоха. В связи с этим Фреуденталь считал, что ясность в постановке проблемы может быть достигнута только в том случае, если народоведение будет включать и объединять описание и объяснение всех форм выражения культуры прошлого и настоящего.

Общий вывод Фреуденталья гласил, что народоведение представляет собой «историческую науку», которая исследует свой предмет — «национально-народную жизнь» (*Volkstümliches Leben*) и ее носителя — в ходе временных изменений как в прошлом, так и в настоящем. При этом, как полагал ученый, анализ изменений культуры во времени позволяет осознать место своего «я» в народно-национальной общности (*in der volkstümliche Gemeinschaft*), что составляет «историческое самосознание»²⁵.

Анализ взглядов Фреудентеля на исторический процесс и ход развития культуры свидетельствует о том, что они были весьма далеки от истинного историзма и в целом основывались на метафизических представлениях и положениях «народной идеологии», которую он энергично проповедывал в 1930-е годы в нацистском «барабанном» духе ²⁶.

В конкретном плане обсуждался вопрос о предмете и целях народоведения другими сторонниками «исторического народоведения». Так, Р. Мозер ²⁷ и К. С. Крамер ратовали в ходе дискуссии за широкое использование в народоведении исторических источников, в частности за изучение народных представлений по архивным данным. Большая часть сторонников «исторического народоведения» избегала прямой критики «народной идеологии» и настаивала на преимущественном значении для науки эмпирических исследований. В сравнении со взглядами прочих исследователей, примыкавших к этому направлению, большей историчностью отличались научные позиции К. С. Крамера. Выступая против причисления его Баузингером к числу деятелей «исторического народоведения», он призывал рассматривать «общество и культуру как процесс» в отличие от взглядов большинства сторонников этого направления, «изучавших только синхронные отрезки прошлого» ²⁸.

В целом же, говоря об «историческом направлении» в немецком народоведении, следует отметить, что, несмотря на метафизичность многих его положений, нельзя не одобрить установку на изучение и описание как прошлого, так и настоящего на основе привлечения широкого круга источников. Несколько позднее, в 1980-е годы, среди исследователей, близких к «историческому народоведению», возникло течение, занимавшееся количественным и качественным изучением явлений культуры.

Немалое число народоведов работало в рассматриваемое время в рамках «культурно-антропологической программы». К сторонникам этого направления относились И. М. Греверус, К. Фрейер, Х. Герндт, Л. Кретценбах, Ф. Пфистер, И. Вебер-Келлерман, О. Лутс и др.

Культурно-антропологическое направление в народоведении сложилось под прямым влиянием американской культурной антропологии, пропагандировавшейся в то время этнологами В. Мюльманом и В. Рудольфом, а также некоторыми другими исследователями.

В работах и выступлениях участников «программы» особенно широко обсуждались проблемы связи народоведения с социологией и этнологией, переориентации народоведения в сторону его социологизации; ставился вопрос о переименовании науки ²⁹, что нашло отражение в публикациях 80—90-х годов.

Из-за ограниченного объема статьи у нас нет возможности рассмотреть работы всех участников этого направления, поэтому можно остановиться на взглядах типичной представительницы рассматриваемого течения — И. М. Греверус. В одном из своих первых выступлений она подвергла резкой критике традиционное народоведение, назвав его «ностальгически-ретроспективным». Характерным для него, по словам Греверус, было не историческое исследование, а «эмоциональная идеализация прошлого», поиски «универсальных черт» в своем народе, восходящих к германской древности. При этом все положительное в культуре объявлялось наследием германцев, а отрицательное — заимствованным у иностранцев. По мнению Греверус, задачи народоведения состоят в исследовании культуры и общественных форм в прошлом и настоящем, причем в связи не с народом в целом, а с «единичным» человеком как «культурным существом». «Наша задача, — указывала она, — исследовать культурные нормы и формы внутри дифференцированного европейского мира» и изучать «модели культуры». Исходя из этого, она предлагала ввести в школах обучение народоведению в виде «культурной антропологии» ³⁰. Народоведение, по мнению Греверус, это эмпирическая культурная антропология, которая хотя и коррелируется, но не идентична этнологии ³¹. Как на Греверус, так и на других представителей рассматриваемого

направления значительное воздействие оказали взгляды Мюльмана и бивехиоризм, о чем писал Х. Штробах³².

Одной из проблем, интенсивно обсуждавшейся участниками «программы», было соотношение народovedения и этнологии. Писал об этом, в частности, видный народвед Г. Хейльфурт. Народоведение он определял как науку о структуре и функциях основных форм социально-культурной жизни, в результате чего она соприкасается с этнологией вплоть до «взаимообмена методами». К задачам народovedения Хейльфурт относил изучение связи между коллективным и индивидуальным в культуре. Он настойчиво призывал к «деидеологизации» народovedения, не без основания обвиняя в политизации и излишней идеологизации этнографическую науку в социалистических странах. Едва ли можно согласиться с Хейльфуртом, когда он как важное достижение в западногерманском народovedении рассматривал распространение в нем идей американской культурной антропологии, в частности концепции Р. Бенедикт о «моделях культуры».

Задачи народovedения, как отмечал Хейльфурт, состоят не в расположении форм культуры в эволюционном порядке, а в исследовании форм культуры и их социальных связей. Исследователь солидаризировался с положениями о том, что в задачи народovedения входит изучение культуры на региональном базисе под углом зрения психологии. Столь же важной проблемой он считал изучение процессов аккультурации групп немецкого населения, перемещенных с востока³³.

Следует отметить, что взгляды указанного автора так же, как и многих других сторонников культурной антропологии, формулировались зачастую недостаточно четко. В качестве примера можно привести работы известного народоведа Г. Лютца, в которых он рассматривает соотношение между народovedением и этнологией. Определяя задачу народovedения главным образом как исследование основного объекта — человека в истории, он пытается разграничить эмпирические работы в народovedении с теоретическими построениями в этнологии и призывает, не совсем четко формулируя свои мысли, создать новую этнологию, объединяющую обе эти науки. В другой работе Лютц пишет, что цель народovedения заключается в «анализе взаимосвязи возникновения и изменения культурных ценностей в объективных и субъективных явлениях, а его задачу составляет разрешение социально-культурных проблем». Но каковы эти проблемы, не вполне ясно. Народovedение, по мнению Лютца, должно входить наряду с другими дисциплинами (этнологией, этологией, культурной социологией, исторической культурологией и антропогеографией) в культурную антропологию³⁴.

С обоснованием необходимости использовать сравнительный метод в народovedении выступил Х. Герндт. Он полагал, что сопоставление и сравнение следует вести в трех аспектах: пространственном, временном и социально-психологическом. Дальнейшее развитие сопоставлений должно идти на структурно-функциональном уровне изучения культуры, культурных и исторических взаимосвязей³⁵. И во взглядах Герндта можно заметить значительное воздействие установок культурной антропологии, хотя этот исследователь и не причисляет себя к ее явным сторонникам. Отдельные выступления приверженцев направления, связанного с социальной и культурной антропologией, происходили и в 80-е, и в 90-е годы³⁶.

Наибольшая критика традиционного народovedения («канона»), как уже отмечалось, исходила от представителей «критического социально-научного направления», представленного главным образом молодыми исследователями. Возникновение этого направления во многом связано с широким студенческим движением, наблюдавшимся в Западной Германии в 60-е годы, и ростом популярности марксизма. В идеологическом отношении оно основывалось на позициях франкфуртской школы социологических исследований. Ведущие деятели указанной школы Т. Адорно, Р. Тедман, Г. Маркузе и др. объявили «критическую теорию» последним словом марксизма, что получило значительный отклик среди студенческой молодежи и нового поколения исследователей. При этом

марксистские, в левацком духе, взгляды во многом соответствовали положениям американской культурной антропологии. В полной мере это отразилось на «критическом социально-научном направлении» в народоведении³⁷, наиболее известными представителями которого были Х. Баузингер, В. Эммерих, Д. Крамер.

В 1965 г. Баузингер выступил со статьей «Народная идеология и изучение народа», где прямо указывал на сохранение в «буржуазном народоведении» существенных черт нацистской идеологии и призвал к созданию нового народоведения, в котором сочетались бы изучение эмпирической культуры всех слоев населения с исследованием социальных и культурных процессов³⁸. Народоведение Баузингер рассматривал главным образом с позиций культурологии и социологии. Наиболее отчетливо он высказал свои взгляды в обобщающей работе «Основы народоведения», написанной совместно с тремя молодыми сторонниками «критического социально-научного направления». Баузингеру принадлежат введение и глава о соотношении народной и массовой культуры, об осознании своей культурной принадлежности. Его соавторы писали о влиянии, которое оказывают обычаи и традиции на повседневную культуру, о том, что такое культура (Г. Корф), о проблемах повседневного быта (У. Еггле), о соотношении истории и культуры (М. Шарфе)³⁹.

Народоведение, как отмечал Баузингер, призвано изучать историческое прошлое народной культуры и ее изменение во времени. При этом необходимо исследовать не только крестьянскую культуру, но и культуру всех низших слоев общества во всем их многообразии. Ученый выступал также против традиционного деления народоведения на две дисциплины: одну, связанную с материальной, и другую — с духовной культурой. Вместо этого, как он полагал, следует изучать их функциональные взаимосвязи. В соответствии с культурологическим пониманием сущности народоведения он предлагал для этой науки на выбор несколько наименований: «наука о культуре», «культура многих», «культура маленького человека», «культура в первом этаже».

Баузингер писал, что культура определяет повседневный быт и одновременно является его продуктом, что обычаи и традиции создают нормы повседневного быта. Он полагал также, что народоведение охватывает и прошлое, и настоящее, которые нельзя противопоставлять друг другу в единой «культурно-исторической дисциплине». В отличие от подавляющего числа западных ученых Баузингер использовал термин «развитие», а не «изменение». Обращаясь к работам Маркса и Энгельса, он пытался, правда излишне прямолинейно, объяснить развитие культуры как следствие изменения производственных отношений и способа производства⁴⁰. Его обращение к марксизму едва ли можно считать особенно удачным. Понимание Баузингером соотношения культурных и производственных процессов весьма схематично, а, кроме того, народоведение в его интерпретации вообще теряет свою специфику как самостоятельная дисциплина и становится приложением к социологии и культурологии. Вместе с тем нельзя не отметить, что этот ученый по-новому подошел к ряду теоретических проблем народоведения, и в этом его несомненная заслуга. Исследования в области теории народоведения Баузингер продолжал и в последующие годы, обращаясь к самым различным аспектам этой науки⁴¹.

В резко критическом плане выступил против традиционного народоведения ученик Баузингера Вольфганг Эммерих. В двух своих капитальных работах он показал в историографическом плане корни «народной идеологии» и ее прямую связь с нацизмом. В дискуссии по поводу существования народоведения он занял позиции, близкие культурной антропологии Мюльмана, и предложил объединить народоведение и этнологию в одну науку⁴². Как и большинство других представителей «критического социально-научного направления», Эммерих декларировал свою приверженность марксизму, хотя понимал его довольно своеобразно.

Работы Эммериха сыграли в свое время заметную роль в освобождении наро-

доведения от груза прошлых заблуждений, однако в них нередко заметен излишний задор молодости, а также содержатся весьма спорные теоретические положения. Взять, к примеру, его понимание идеологии только как «ложного самосознания», которое «вуалирует действительные явления в целях экономических, политических интересов». Оно на деле не только сужает, но и вообще дает неверное толкование сущности идеологии. Взгляды Эммериха вызвали яростные нападки со стороны приверженцев традиционного народоведения, причем нельзя сказать, что их критика была полностью безосновательной⁴³.

Среди сторонников «критического социально-научного направления» особенно резкими по тону были статьи Д. Крамера. Одна из них, озаглавленная автором «Кому служит народоведение?», вызвала отрицательные отклики со стороны противников этого направления. Д. Крамер призывал представителей народоведения осознать свою «общественную ответственность и преодолеть ошибки прошлого, нацистское наследие». Он отметил, что до сих пор не достигнута ясность, что же такое народоведение? В связи с этим он высказал мысль, что народоведение должно иметь практическое значение для общественной жизни. Народоведение, по Д. Крамеру, это наука о субкультурах, о культурном творчестве народа, о революционных движениях, об изучении «замаскированных форм господства над народом».

Народоведение, по его словам, исследует «модели культурных норм, форм культурного поведения внутри европейского дифференцированного цивилизованного мира». Многие взгляды Д. Крамера были близки положениям американской культурной антропологии, о чем, в частности, свидетельствовали его одобрительные отзывы в отношении позиции Греверус. Далек не ясны мысли Д. Крамера о том, что можно достичь изменения самосознания посредством критического исследования возникновения, исторической и идеологической функций социальных и культурных явлений, что надо создавать «новые идеологии» и разрушать старые, служащие интересам господствующих классов. В качестве основной задачи народоведения этот ученый называет изучение и объяснение развития социальных процессов⁴⁴.

Разделяя многие положения Д. Крамера, касающиеся критики традиционного «канона», мы не можем согласиться с его анархическими, левацкими призывами к полной переориентации народоведения. Предлагая включить в народоведение многие объекты исследований из смежных наук, он одновременно выхолащивал, лишал живого содержания само народоведение, желая ограничить его изучением социальных процессов⁴⁵.

Во многом были правы сторонники традиционного народоведения, резко выступившие против Д. Крамера, хотя и не со всеми их критическими замечаниями можно согласиться. Наиболее показательна критическая статья сторонника боннской культурно-географической школы Г. Вигельмана. Он обвинил Д. Крамера в «неомарксизме, не имеющем отношения к народоведению», в смешении народоведения с социологией. Критику Д. Крамером традиционного народоведения он назвал «дешевым риторическим трюком». Еще более категоричным было утверждение Вигельмана о том, что положения Д. Крамера «мало расходятся с позициями красных и коричневых тоталитарных режимов»⁴⁶.

Другой видный немецкий народовед Г. Хейльфурт назвал позицию Д. Крамера «дифференцированным марксизмом», который «сегодня не полярен современной религии»⁴⁷.

В. Хаверник опровергал мнение Д. Крамера о том, что все науки имеют политический аспект, и заявил, что «нормальный человек морально здоровее, чем Крамер и его партийные друзья»⁴⁸.

Примерно с тех же позиций, обвиняя Крамера в догматизме, стремлении превратить народоведение в социальную науку, выступили и некоторые другие исследователи: Р. Вольфрам (Австрия), Л. Петцольд. Г. Трапе (Швейцария), У. Ольшлейгер, Г. Костлин (ФРГ) и др. Единственным, кто одобрил постановку вопроса Д. Крамером, был К. С. Крамер, но и этот исследователь констатировал,

что на «месте консервативной он (Д. Крамер) хочет создать прогрессивную утопию»⁴⁹.

Одним из немногих, кто затронул в ходе дискуссий проблему этноса, был У. Еггле. Говоря о соотношении народоведения и этнологии, он высказал мнение, что между этими научными дисциплинами существует принципиальная разница. Последняя занимается культурами этносов, однако в европейских развитых странах культуры этносов отсутствуют, а существуют только субкультуры, которые изучает народоведение. Еггле спорил с Мюльманом и другими исследователями, которые полагали, что и народоведение должно поставить перед собой цель изучения культуры европейских этносов. Понятие «этнос», по его мнению, само по себе означает возвращение к прежнему пониманию термина «народ». Этнологический подход, по словам Еггле, дает ошибочное представление о существовании общей культуры «этноса», что отрывает культуру от общества. Ученый высказался против превращения народоведения в культурную антропологию, так как последняя, по его мнению, изучает только традиционные недифференцированные культуры, и культура современного общества ей чужда. Призывая изучать культуру исторически, Еггле предлагал переименовать народоведение в «культурную социологию»⁵⁰.

Обзор научных и идейных позиций сторонников «критического социально-научного направления» в народоведении свидетельствует об их стремлении сблизиться с марксизмом, но объективно он был или воспринят в левацком анархическом духе. В целом это направление являлось интеллигентски-либеральным и оказалось под сильным влиянием функционализма и американской культурной антропологии.

Практически неизменными, в сравнении с довоенными, оставались позиции боннской культурно-географической школы. В трудах ее видных представителей — уже названного Баха, а также Вигельмана, Цендера, Хейльфурта, Аубина — задачи народоведения определялись как культурно-географические исследования исторически сложившихся форм народной жизни на определенной территории у обитающих там групп людей и выражение человека и культуры в историческом процессе. В противовес предложениям рассматривать прежде всего социальные группы предлагалось брать за основу изучения территориальные единицы и исследовать культурные особенности их населения. Большое значение при этом придавалось культурной диффузии и процессу восприятия личностью культуры: энкультурации и аккультурации⁵¹.

В научном и политическом отношениях сторонники культурно-географической школы стояли на традиционных позициях и резко критиковали ученых, высказывавших левацкие взгляды. Следует отметить также, что приверженцы боннской школы проводили значительные по объему и весьма эффективные эмпирические исследования.

Ряд германских народоведов призывали к созданию «общей теории народоведения». Однако кроме общих рассуждений о соотношении теории и практики никаких конкретных предложений сделано не было⁵².

При большом разнообразии точек зрения относительно существа и будущего народоведения все без исключения участники дискуссий высказали единое мнение: какое бы ни дать название этой науке, она призвана изучать культурные явления как прошлого, так и настоящего, ход и направление их изменений. При этом многие подчеркивали первостепенную важность исследования культуры «нижних слоев». Другим общим мнением был призыв к развертыванию эмпирических исследований, а также к поискам новой, актуальной для современного общества тематики.

К середине 70-х годов дискуссии начали утихать, и основное внимание стало уделяться эмпирическим исследованиям. Во второй половине 70-х — 80-е годы появлялись отдельные работы, в которых подводились итоги дискуссий и намечались некоторые перспективы дальнейших исследований. Одна из попыток оценить в целом теоретические позиции немецкого народоведения была

предпринята Х. Герндт. Она констатировала, что прошедшие дискуссии были полезны, поскольку всем стало окончательно ясно: следует отказаться от традиционных представлений о народоведении. Однако его цели и задачи, по ее мнению, так и остались невыясненными. Герндт высказала справедливую мысль, что причина этого в известном смысле лежит в неразработанности историографии народоведения и его теоретического наследства. В связи с этим она призвала вновь внимательно изучить идеи Рила, Хофман-Крайера, Шпамера, Мозера и других классиков немецкого народоведения.

Обсуждение проблем в истекшие два десятилетия показало, по ее словам, что народоведением можно назвать науку, изучающую массовые явления в культуре «низших» и «средних» слоев населения в границах Европы. При этом должны исследоваться функциональные связи и взаимодействие элементов культуры и их изменение. Отрицая понимание народоведения как науки о «народной культуре» и «народной жизни», Герндт высказывала несогласие с выдвигаемым «неомарксистами» предложением определить народоведение как науку о «повседневной культуре» или «повседневном быте». В связи с этим исследовательница считала, что народоведение призвано изучать не просто отдельные явления, а их место в системе жизнедеятельности, в системах культуры⁵³.

В 80-е годы некоторые итоги попытался подвести и Баузингер, однако никаких новых идей он при этом не высказал; им было лишь отмечено сближение народоведения с социальными науками, хотя споры так и остались незавершенными. Положительным явлением Баузингер считал увеличение числа конкретных исследований, посвященных, в частности, культуре рабочих, проблеме свободного времени, изучению общин, вопросу об иностранных рабочих. Как и в прежних своих работах, этот автор подчеркивал, что главное в народоведении — это изучение культуры⁵⁴.

В 80—90-е годы продолжала широко разрабатываться проблема повседневного быта⁵⁵. Определенное внимание уделялось вопросам культурных взаимодействий⁵⁶. И только некоторые статьи были посвящены проблемам методологии и методики исследований⁵⁷. В настоящее время германское народоведение развивается в целом по пути интеграции в общее европейское народоведение (европейскую этнологию). Число эмпирических работ по немецкому народоведению в послевоенное время очень велико, и лишь одно их перечисление заняло бы многие страницы⁵⁸.

Народоведение в ГДР. Народоведение в ГДР не испытало таких потрясений, как в Западной Германии. Здесь вопрос стоял не о его ликвидации, а всего лишь о переориентации на новые методологические основы с целью поставить эту науку на службу строительства социалистического общества рабочих и крестьян в Восточной Германии. Таким образом, как и после 1933 г., была осуществлена крайняя политизация науки и использование ее в целях новой, ставшей господствующей идеологии. Внимание, которое уделялось правящими кругами ГДР народоведению, имело как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, возникли благоприятные условия для народоведческих исследований и образования, с другой — политизация народоведения вела к односторонности в исследованиях и тенденциозности.

В 1953 г. в Берлине был создан Центр научных исследований в области этнографии (речь шла о народоведении), результаты которых начали публиковаться во вновь основанном в 1955 г. ежегоднике «Deutsches Jahrbuch für Volkskunde». В 1951 г. в г. Бауцене возникло этнографическое (народоведческое) отделение лужицко-сербской этнографии, осуществлявшее интенсивную научно-исследовательскую деятельность⁵⁹. Попутно нельзя не отметить, что отношение партийного и государственного руководства ГДР к исследованиям по лужицко-сербскому народоведению было весьма неоднозначным и объяснялось сепаратистским движением в славянских областях после окончания войны. Но это вопрос особый и требует исследований на основе бывших недоступными в условиях ГДР материалов.

В 1952 г. в Лейпциге был открыт Центральный дом художественной самодеятельности города и деревни, тесно связанный с народоведческими учреждениями. Кроме того, почти в каждом даже небольшом городке или крупном селении продолжали действовать созданные еще до второй мировой войны краеведческие музеи, также имевшие народоведческую ориентацию. Основным университетским центром по подготовке специалистов в области народоведения был отдел (кафедра) этнографии при университете им. Гумбольдта.

Партийно-государственное руководство ГДР ставило перед народоведением задачу создания новой методологии в народоведческих исследованиях на базе марксизма-ленинизма при условии размежевания с буржуазными концепциями, критики расизма, теории общности «крови и территории», теории о роли вождей⁶⁰. Политическим ориентиром для общественных наук, в том числе народоведения, должно было служить выступление секретаря СЕПГ Курта Хагера, в котором говорилось: «Социалистическая Германская Демократическая Республика является единственной законной наследницей всего лучшего, что создал немецкий народ за свою долгую, изобилующую переменами историю, и является продолжательницей всех больших свершений прошлого»⁶¹. Исходя из этого, важнейшей задачей народоведения стала «забота о сохранении революционных традиций рабочего класса, чтобы оно послужило новым толчком к изучению достижений трудящихся в области культуры...»⁶². В связи с этим особое внимание уделялось народному творчеству: песням, музыке, танцам, изобразительному искусству. Широкие фольклорные исследования посвящались изучению рабочей песни.

Таким образом, деятельность в области народоведения развертывалась по трем основным направлениям: эмпирические исследования, образование, поддержка народного творчества.

Небольшой всплеск интереса к теоретическим проблемам в смысле попыток нового определения смысла и задач народоведения пришелся на начальный этап развития народоведения в ГДР. Что же касается позднейших работ, большей частью только вскользь затрагивавших некоторые теоретические вопросы, то в них обычно содержался лишь обычный набор социальной демагогии, базировавшейся на последних решениях СЕПГ, часто мало связанный с научной стороной исследования.

Больше других, пожалуй, проблемам теории и ее связи с политикой «государства рабочих и крестьян», уделил внимание один из первых создателей «социалистического народоведения» Вольфганг Штейниц, известный ученый и организатор науки, основатель и первый директор Института немецкой этнографии. Он предложил принципы народоведения в ГДР, которые в известном смысле в директивном виде продолжали действовать и в последующее время.

В своем докладе «Работа в области этнографии в Германской Демократической Республике» Штейниц остановился на некоторых проблемах историографии немецкого народоведения, высказав при этом довольно много спорного. Ответственность за современное состояние науки он возлагал на историка-марксиста, призванного выработать новую методологию и методику. Весьма любопытно, что особенно резко Штейниц выступал против Хенса Наумана, которого, как уже отмечалось в предшествующих публикациях, с крайним недоброжелательством воспринимало и нацистское руководство⁶³. Штейниц высказывался и против традиционного деления науки о народах на этнологию и народоведение, призывая объединить их в одну науку — этнографию. В ГДР это было сделано, однако парадокс в том, что в названиях и Берлинского института, и ежегодника продолжало входить слово «народоведение» (Volkskunde)⁶⁴.

Наряду с фольклором и другими сторонами духовной культуры особое внимание уделялось проблемам материальной культуры и развития производительных сил, разным сторонам производственной деятельности в сельском хозяйстве и промышленности. Вышла в свет очень интересная историографическая работа крупнейшего в ГДР народоведа Вольфганга Якобайта⁶⁵. Различным проблемам фольклора в этнографии были посвящены исследо-

вания В. Штейница, Г. Штробаха, Р. Вейнхольда, К. Баумгартена и др. О развитии преподавания народоведения писала У. Морман⁶⁶. Ей же принадлежат интересные исследования по изучению материальной культуры и народного творчества, содержащие некоторые существенные методические предложения⁶⁷.

В 60—70-е годы в ГДР, как и в Западной Германии, проявился заметный интерес к изучению теоретических и практических проблем «образа жизни» в его «социалистической» интерпретации. Немало работ было посвящено быту городского и сельского населения, прежде всего промышленных рабочих в традиционных отраслях производства⁶⁸.

В целом число эмпирических работ по народоведению в ГДР весьма велико, и, включая работы 60-х годов, с ними можно познакомиться в цитированной работе Г. Штробаха, Р. Вейнхольда, Б. Вейсель, И. Зельнов.

Сегодня еще трудно давать оценку тому, что было сделано в народоведении ГДР за годы ее существования. Отсутствуют источниковедческие, не говоря уже об историографических, исследования как отдельных проблем, так и этой отрасли науки в целом. В настоящее время состав ученых и преподавателей в учреждениях бывшей ГДР значительно обновился и исследования ведутся в русле общего немецкого народоведения.

Не претендуя на исчерпывающее суждение, можно отметить, что в народоведении ГДР была проделана большая и полезная работа по изучению культуры разных слоев населения. Однако вследствие известной, обусловленной политическими причинами, односторонности, а частично и тенденциозности исследований, многое, очевидно, придется пересмотреть новому поколению народоведов.

Народоведение в Австрии и Швейцарии. Как уже говорилось, эти научные дисциплины представляли собой две из трех ветвей общего «немецкого народоведения» и в теоретическом отношении мало чем отличались от третьей, германской ветви⁶⁹. Указывалось также, что присоединение Австрии к Германии в 1938 г. оказало неблагоприятное воздействие на австрийское народоведение, испытавшее значительное влияние нацистской идеологии. Вследствие этого после окончания второй мировой войны народоведение в Австрии, как и в Германии, оказалось в тяжелом затяжном кризисе, и его интенсивное развитие началось только с конца 50-х годов, что было в немалой степени связано с приходом в науку новых, молодых сил.

В 1959 г. в Вене кафедру народоведения (*Institut für österreichische Volkskunde*) возглавил Р. Вольфрам, сторонник идей Рилья и Л. Шмидта. В 1961 г. в Инсбруке кафедру унаследовал у Хельбока К. Ильг. В Граце во главе кафедры встал Х. Корен⁷⁰. Наряду с этими центрами австрийского народоведения большое значение имел Венский музей народоведения, руководимый одним из крупнейших австрийских народоведов Леопольдом Шмидтом, а также журнал «Австрийское народоведение». Венский музей проделал огромную работу по созданию этнографически-социологических анкет по изучению жилищ и поселений (А. Класт) населения, занятого в горнодобывающей промышленности, и др.

Хотя размах теоретических исследований в австрийском народоведении был меньшим, чем в ФРГ, тем не менее интерес к ним существовал. Ряд теоретических положений и идей оказал большое воздействие на немецкое народоведение в целом. Австрийские народоведы приняли участие в развернувшихся в Западной Германии дискуссиях о сути, задачах и целях народоведения, причем австрийские ученые одними из первых высказались за пересмотр научных и идейных позиций народоведения.

Подавляющее число публикаций, связанных с теоретическими вопросами народоведения, появилось в конце 40-х — начале 70-х годов. Много откликов, в том числе за пределами Австрии, получили теоретические взгляды Леопольда Шмидта, высказанные им в 1948 г. в статье «Народоведение как гуманитарная наука» и развитые им в дальнейшем в других работах⁷¹. Народоведение он назы-

вал наукой о «жизни в мире традиционных представлений» (*Wissenschaft von leben in überlieferten Ordnungen*).

Ничего нового в принципе в определении Шмидта не было, за исключением того, что большая часть явлений современной жизни выводилась им из традиционных представлений. Говоря об *Überlieferte Ordnung*, или переданной и воспринятой традиции, Шмидт полагал, что в основе данного процесса лежало взаимодействие двух сил: силы устойчивости, традиции (*Kräfte des Beharrens*) сталкивались с вновь возникающими формами культуры (*funktionelle Aufbauformen*). Как следствие этого возникал синтез, складывалось нечто целое и новое (*Leben in Überlieferten Formen*). Это целое обладало, по Шмидту, тремя признаками: явлением, функцией и историей. Оно строилось на основе не индивидуальных, а общих признаков, связанных с подсознанием, как явление не психическое или непосредственно связанное с психикой, а культурное. Шмидт отрицал какое бы то ни было влияние на свое учение положений американской культурной антропологии. Цель исследования он усматривал в выявлении отдельных элементов, складывающихся в целое в виде определенной модели. Культура обозначалась им как «суперорганическое явление», не зависящее ни от психических, ни от физических особенностей ее носителей и представляющее собой «упорядоченную систему», сложившуюся на базе воспринятых традиций⁷².

Взгляды Шмидта критиковал Баузингер, который писал, что принцип «упорядоченных систем» искажает и поглощает истинные отношения в обществе⁷³.

Естественно, что сторонники традиционного народоведения положительно восприняли мысли Шмидта, тогда как среди приверженцев новой ориентации науки позиции Шмидта и разделявших их исследователей были названы «ностальгически-ретроспективным направлением»⁷⁴.

Дискуссионные вопросы в связи с изучением австрийской народной культуры поднимались Виктором Герамбом, призывавшим изучать культуру «низших слоев» населения⁷⁵. В целом с традиционных позиций рассматривал народоведение Карл Ильг⁷⁶.

Серьезные проблемы были подняты Г. Кореном, который занимался целями исследования в народоведении и вопросами возникновения самобытных черт народной жизни. Задача австрийского народоведения, по его мнению, состоит прежде всего в изучении тех слоев населения, которые являются непосредственными производителями. С этими слоями Корен связывал представление о «материнской почве», «низших, основных слоях общества». Но эти «материнские слои» он обнаруживал не только у крестьян, но и у рабочих и интеллигенции. Корен исследовал также виды человеческих сообществ, начиная от семьи, но при этом игнорировал социальный состав общества⁷⁷. Не усматривал социальных слоев в обществе и В. Герамб⁷⁸.

Австрийские народоведы приняли участие и в дискуссиях, начатых сторонниками «социально-научного направления». С призывом к углублению эмпирических исследований выступил Р. Вольфрам⁷⁹. Можно отметить также выступление Р. Питтиони, посвященное критическому разбору теоретических положений Л. Шмидта. Он рассматривал эти положения как попытку создать статическую картину существующей длительное время без изменений народной культуры. При этом Питтиони призывал в первую очередь обращать внимание на внутренние процессы изменения культурных явлений и культурную диффузию⁸⁰.

К концу 70-х годов выступления теоретического характера стали в австрийском народоведении более редкими, подавляющая часть публикаций посвящалась эмпирическим исследованиям⁸¹.

Различные течения политического характера в германском народоведении нашли некоторое, хотя и ограниченное, отражение в Австрии, в частности, в связи с проблемой «перемещенных лиц»⁸².

В 60-е годы в среде студенчества началось движение, добивавшееся замены этнографической тематики социологией, однако довольно скоро оно сошло на нет.

Что касается австрийского народоведения более позднего времени, то для него

характерно несколько типических черт. Это особое внимание к преимущественно эмпирическим исследованиям народной жизни, некоторое сближение с положениями социальной и культурной антропологии и стремление к расширению сферы народоведческих исследований в направлении развития «европейской этнологии»⁸³.

Говоря об истории швейцарского народоведения, следует прежде всего вспомнить, что оно в прошлом дало целую плеяду выдающихся теоретиков, среди которых можно назвать Е. Хоффман-Крайера, теоретические положения которого оказали существенное влияние на развитие всего немецкого народоведения⁸⁴.

При значительно более ограниченных в сравнении не только с германскими, но и с австрийскими объемами исследований в области народоведения швейцарским ученым тем не менее принадлежат интересные работы в области теории и довольно многочисленные публикации по эмпирическому народоведению.

В послевоенное время исследовательская работа в области народоведения и преподавание сосредоточивались главным образом в трех университетах: Базельском, Цюрихском и Бернском. Первая в Швейцарии кафедра народоведения была основана в Цюрихе Р. Вайсом в 1946 г. и позднее продолжила работу под руководством А. Нидерера. В Базеле кафедру народоведения возглавил в то время Х. Трюмпи, а в Берне — П. Цинзли. На этих кафедрах разрабатываются самые различные проблемы европейского народоведения. В Берне особый акцент делается на изучении этнографии населения Швейцарии и соседних областей. Во всех трех названных университетах имеются семинары по народоведению, библиотеки, архивы полевых материалов и иллюстраций⁸⁵. Кроме того, вне университетских структур существует Швейцарское общество народоведения, при котором действует Швейцарский институт народоведения в Базеле, включающий архив народных песен, отдел исследования крестьянского дома, отдел рукописей, отдел народоведения права и отдел, занимающийся выпуском «Атласа швейцарского народоведения». Публикуется ряд периодических изданий⁸⁶.

Как отмечают швейцарские ученые, возможности исследований в области народоведения ограничены вследствие финансовых трудностей и недостаточного у правительства и общественности интереса к народоведению, которому нередко припоминают его прошлые грехи в Германии и Австрии⁸⁷.

Специальные работы по источниковедению и историографии швейцарского народоведения отсутствуют, и только отдельные связанные с ними проблемы нашли отражение в обобщающих работах⁸⁸.

Как уже отмечалось, одними из первых, кто после окончания второй мировой войны поставил вопрос о пересмотре позиций немецкого народоведения, были австрийские и швейцарские исследователи. Последние в ряде своих работ выступили против традиционного понимания народоведения как науки о «потерянном рае» народной жизни, а также против ориентации исследований в «ностальгически-ретроспективном» направлении⁸⁹. При этом видный швейцарский народовед Р. Вайс исходил из взглядов А. Шпамера о «психологическом понятии народа», что нашло положительный отклик у многих швейцарских ученых⁹⁰.

В связи с начавшимся в немецком народоведении пересмотром задач и объектов народоведческих исследований в 70-е годы появились работы, в которых содержался призыв к «историзации» и «социологизации» народоведения, приближению его к современной тематике⁹¹. Вышли в свет публикации, посвященные изменению народной жизни в ходе индустриализации⁹².

И в ходе войны, и в послевоенное время не прекращались исследования в традиционных областях швейцарского народоведения. Большое значение имели публикации, связанные с «Атласом швейцарского народоведения», издание которого было начато П. Гейгером, Р. Вейсом и продолжено В. Эшером, Л. Лиебл и А. Нидерером⁹³. Публиковались материалы по изучению традиционной народной жизни⁹⁴, хозяйства⁹⁵, материальной и духовной культуры⁹⁶. При этом большая часть работ посвящалась исследованию частных вопросов.

Судя по некоторым данным, в настоящее время происходит определенное

оживление исследований в области швейцарского народоведения, причем особое внимание уделяется экологии и национальным движениям, а также насущным проблемам, связанным с иммиграцией и положением национальных меньшинств в Швейцарии и Европе⁹⁷.

Примечания

- ¹ Окончание серии статей по истории немецкого народоведения. См.: *Марков Г. Е.* Из истории немецкого народоведения // *Вестник МГУ Сер. 8. История.* 1990. № 2; *его же.* Немецкое народоведение от начала XX в. до 1933 г. // *Этнографическое обозрение (далее — ЭО),* 1992. № 4; *его же.* Народоведение в годы нацизма. Крушение науки // *ЭО.* 1933 г. № 5; *его же.* Очерки истории немецкой науки о народах. Ч. 2. Немецкое народоведение. М., 1993.
- Во избежание недоразумений следует еще раз подчеркнуть, что под «немецким народоведением» в Германии, Австрии и Швейцарии традиционно понимается изучение европейского, в первую очередь немецкоязычного населения. И только в последние годы становится более широкая проблема — изучение всех европейских народов.
- ² *Maus H.* Zur Situation der deutschen Volkskunde // *Die Umschau. Internationale Revue.* 1946. Jg. 1.
- ³ *Waeler M.* Volkskunde als Grundwissenschaft // *Niederdeutsches Lehrbuch für Volkskunde.* 1948. Jg. 22.
- ⁴ *Peukert W.-E.* Zur Situation der Volkskunde // *Die Nachbarn.* 1948. Jg. 1.
- ⁵ См. *Марков Г. Е.* Очерки истории немецкой науки о народах. Ч. 1. Этнология. М., 1993.
- ⁶ *Peukert W.-E.* Op. cit.
- ⁷ *Bach A.* Deutsche Volkskunde. Heidelberg, 1960.
- ⁸ *Bohem M. H.* Das eigenständige Volk. Darmstadt, 1964.
- ⁹ *Zander M.* Volkskunde an den Universitäten der Bundesrepublik Deutschland // *Ethnologia Europaea.* 1957. V. 1. № 4; *Wiegelmann G., Zander M., Heilfurt G.* Volkskunde. Eine Einführung B., 1977.
- ¹⁰ *Lutz G.* (Hrsg.). Volkskunde. Ein Handbuch zur Geschichte ihrer Probleme. B., 1958.
- ¹¹ *Peukert W.-E., Laufer O.* Volkskunde. Quellen und Forschungen seit 1930. Bern, 1951.
- ¹² *Koren H.* Volkskunde in der Gegenwart. Graz, Wien, 1952.
- ¹³ *Weber-Kellermann J.* Zum Problem: Volkskunde und Volkerkunde // *Forschungen und Fortschritte.* 1953. H. 27; *Pfister F.* Zur Diskussion: Volkskunde und Volkerkunde // *Forschungen und Fortschritte,* 1954. H. 28; *Spamer A.* Vom Problem des Volksgeistes zur Volkskunde als Wissenschaft // *Volkskunde. Ein Handbuch zur Geschichte ihrer Probleme.* B., 1958.
- ¹⁴ *Steinitz W.* Volkskunde und Volkerkunde // *Deutsches Jahrbuch für Volkskunde.* 1955. Bd 1. H. 1—2.
- ¹⁵ *Lutz G.* Volkskunde und Ethnologie // *Zeitschrift für Volkskunde.* 1969. Jg. 65. S. 65—80.
- ¹⁶ *Moser H.* Gedanken zur heutigen Volkskunde, ihre Situation, ihre Probleme, ihre Aufgaben // *Bayerisches Jahrbuch für Volkskunde.* 1954.
- ¹⁷ *Meisen K.* Volkskunde als Wissenschaft // *Rheinisch-Westfälische Zeitschrift für Volkskunde.* 1955. Bd 2.
- ¹⁸ *Freudenthal H.* Die Wissenschaftstheorie der deutschen Volkskunde. Hannover, 1955.
- ¹⁹ *Bach A.* Op. cit.
- ²⁰ *Bausinger H.* Volksleben. Tübingen, 1963; *idem.* Volksideologie und Volksforschung. Zur nationalsozialistischen Volkskunde // *Zeitschrift für Volkskunde.* 1965. Jg. 61. H. 2; *idem.* Populus revisus. Beiträge zur Erforschung der Gegenwart. Tübingen, 1966; *idem.* Kritik der Tradition. Anmerkungen zur Situation der Volkskunde // *Zeitschrift für Volkskunde.* 1969. Jg. 65. H. 2.
- ²¹ *Kostlin K.* Zu rund? Theorie und Praxis des Theorie-Praxis Verhältnisses // *Zeitschrift für Volkskunde,* 1970. Jg. 66; *Kramer D.* Wem nutzt Volkskunde? // *Zeitschrift für Volkskunde.* 1970. Jg. 66; *Kramer K.-S.* Differenzierte Wirklichkeit // *Zeitschrift für Volkskunde.* 1970. Jg. 66.
- ²² *Falkensteiner Protokolle.* Bearbeitet und herausgegeben von Wolfgang Bruckner. Frankfurt am Main, 1971.
- ²³ *Bach A.* Op. cit. S. 18.
- ²⁴ См. например, рецензию: *Jakobit W.* Deutsches Jahrbuch für Volkskunde. 1962. Bd. 8.
- ²⁵ *Freudenthal H.* Historismus und Presentismus in der Volkskunde // *Beiträge zu der deutschen Volks- und Altertumskunde.* 1954. Bd. 1; *idem.* Die Wissenschaftstheorie der deutschen Volkskunde. Hannover, 1955.
- ²⁶ *Freudenthal H.* Volkskunde der Gegenwart. Ein Versuch über Methode und Gegenstand // *Zeitschrift für Deutschkunde.* 1931. XLV; *idem.* «Mein Kampf» als politische Volkskunde der Gegenwart auf rassischer Grundlage // *Zeitschrift für Volkskunde.* 1934/1935. Jg. 44.
- ²⁷ *Moser H.* Geschichtliche Volkskunde // *Bayerische Heimatsforschung.* 1960; *idem.* Gedanken zur heutigen Volkskunde, ihre Situation, ihre Problematik, ihre Aufgabe // *Bayerisches Jahrbuch für Volkskunde.* 1954; *idem.* Wege der Volkskunde als Wissenschaft // *Bayerisches Jahrbuch für Volkskunde.* 1956; *idem.* Brauchkundliches vom Ende des 14. Jahrhunderts // *Volkskunde. Fakten und Analysen.* Wien, 1972.
- ²⁸ *Kramer K. H.* Historische Methode und Gegenwartsforschung in der Volkskunde // *Rheinisches Jahrbuch für Volkskunde.* 1968. Bd 19; *idem.* Differenzierte Wirklichkeit // *Zeitschrift für Volkskunde.* 1971. Jg. 67; *Petzold L.* Pleidoyer für eine historische Wissenschaft // *Zeitschrift für Volkskunde.* 1970. Jg. 66.
- ²⁹ См., например: *Kultur-anthropologie.* Hrsg. von Rene König und Alex Schmalzfuss. Düsseldorf; Wien, 1972.

- ³⁰ Greverus I. M. Zu einer nostalgisch-retrospektiven Bezugssichtung der Volkskunde // Hessische Blätter für Volkskunde. 1969. Bd. 60.
- ³¹ Greverus I. M. Kulturanthropologie und Kulturethnologie: «Wende zur Lebenswelt» und «Wende zur Natur» // Zeitschrift für Volkskunde. 1971. Jg. 67. H. 1; *idem.* Kulturelle Ordnung // Volkskunde. Fakten und Analysen. Wien, 1972; *idem.* Alltagswelt. Eine Einführung in Fragen der Kulturanthropologie. München, 1978.
- ³² Strobach H. Positionen und Grenzen der «Kritischen Volkskunde» in der BRD // Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte. Neue Folge. B., 1973. Bd. 16.
- ³³ Heilfurt G. Volkskunde jenseits der Ideologien. Zum Problemstand des Fachs im Blickfeld empirischer Forschung // Hessische Blätter für Volkskunde. 1962. Bd. 53.
- ³⁴ Lutz G. Volkskunde und Ethnologie // Zeitschrift für Volkskunde. 1971. Jg. 67. H. 1.
- ³⁵ Gerndt H. Vergleichende Volkskunde. Zur Bedeutung des Vergleichs in der volkskundlichen Methodik // Zeitschrift für Volkskunde. 1972. Jg. 68. H. 2.
- ³⁶ Gerndt H. Zur Perspektive volkskundlicher Forschung // Zeitschrift für Volkskunde. 1980. Jg. 76. H. 1; Xenodulus H. Антропология в Швеции // ЭО. 1993. № 3. С. 147—149.
- ³⁷ Ulle D. Bürgerliche Kulturkritik und Ästhetik. Bemerkungen zu Th. Adornos Schrift «Ästhetische Theorie» // Weimarer Beiträge. 1972. Bd. 6; Weiszel B. Zum Gegenstand und den Aufgaben volkskundlicher Wissenschaft in der BRD // Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte. (N. F. 1). 1973. Bd. 16.
- ³⁸ Bausinger H. Volksideologie und Volksforschung. Zur nationalsozialistischer Volkskunde // Zeitschrift für Volkskunde 1965. Jg. 61. H. 2.
- ³⁹ Bausinger H., Jeggel U., Korff G., Scharfe M. Grundzüge der Volkskunde. Darmstadt, 1978.
- ⁴⁰ Bausinger H. Kritik der Tradition // Zeitschrift für Volkskunde. 1969. Jg. 65.
- ⁴¹ См., например: Bausinger H. Technik im Alltag. Etappen der Aneignung // Zeitschrift für Volkskunde. 1981. Jg. 77. H. 1—2; *idem.* Zur Spezifik volkskundlicher Arbeit // Zeitschrift für Volkskunde. 1980. Jg. 76; *idem.* Volkskultur in der technischen Welt. Frankfurt am Main, 1986.
- ⁴² Emmerich W. Germanistische Volkstumsideologie. Genese und Kritik der Volksforschung im Dritten Reich. Tübingen, 1968; *idem.* Zur Kritik der Volkstumsideologie. Frankfurt am Main, 1971.
- ⁴³ См. рецензии в: Beiträge zur deutschen Volks- und Altertumskunde. 1969. Bd. 13; Bayerisches Jahrbuch für Volkskunde 1969 (1970); Hessische Blätter für Volkskunde. 1970. Bd. 61.
- ⁴⁴ Kramer D. Wem nutzt Volkskunde? // Zeitschrift für Volkskunde. 1970. Jg. 66. S. 1—15.
- ⁴⁵ Kramer D. «Kreativität» in der «Volkskultur» // Zeitschrift für Volkskunde. 1972. Jg. 68. H. 1. S. 30 u. f.
- ⁴⁶ Wiegelmann G. Ideologie und Analyse // Zeitschrift für Volkskunde. 1970. Jg. 66.
- ⁴⁷ Heilfurt G. Ziel der Volkskunde: Existenzzerhellung als Beitrag zur Existenzmeisterung // Zeitschrift für Volkskunde. 1970. Jg. 66.
- ⁴⁸ Havernich W. Aufklärung als Zeitwende // Zeitschrift für Volkskunde. 1970. Jg. 66.
- ⁴⁹ Kramer K. S. Differenzierte Wirklichkeit // Zeitschrift für Volkskunde. 1970. Jg. 66.
- ⁵⁰ Jeggel U. Beharrung oder Wandel? Fragen an eine anthropologisch ausgerichtete Ethnologie // Zeitschrift für Volkskunde. 1971. Jg. 57.
- ⁵¹ Aubin H. Grundlagen und Perspektiven geschichtlicher Kulturraumforschung. Bonn, 1968; Wiegelmann G., Zender M., Heilfurt G. Volkskunde. Eine Einführung. B., 1977.
- ⁵² Heilfurt G. Volkskunde jenseits den Ideologien. Zum Problemstand des Faches im Blickfeld empirischer Forschung // Hessische Blätter für Volkskunde. 1962. Bd. 53; Wiegelmann G. Op. cit.; Eggert M. Zur Theoriebildung in der europäischen Ethnologie // Zeitschrift für Volkskunde. 1974. Jg. 70. H. 1.
- ⁵³ Gerndt H. Zur Perspektive volkskundlicher Arbeit // Zeitschrift für Volkskunde. 1980. Jg. 76. H. 1.
- ⁵⁴ Bausinger H. Zur Spezifik volkskundlicher Arbeit // Zeitschrift für Volkskunde. 1980. Jg. 76. H. 1.
- ⁵⁵ См., например: Bausinger H. Technik in Alltag. Etappen der Aneignung // Zeitschrift für Volkskunde. 1981. Jg. 77. H. 1—2; Mohrmann U. Umgang mit Sachen // Zeitschrift für Volkskunde. 1982. Jg. 78; Greverus I. M. Alltag und Alltagswelt: Problemfeld oder Spekulationen im Wissenschaftsbetrieb // Zeitschrift für Volkskunde. 1983. Jg. 79. H. 1—2.
- ⁵⁶ См., например: Gerndt H. Kulturbeziehungen im Ostseeraum // Zeitschrift für Volkskunde. 1988. Jg. 84.
- ⁵⁷ Gerndt H. Über die Kriterien kulturwissenschaftlicher Arbeit // Zeitschrift für Volkskunde. 1986. Jg. 82.
- ⁵⁸ См. Марков Г. Е. Очерки истории немецкой науки о народах. Ч. 2. Народоведение. М., 1993.
- ⁵⁹ См. Штробах Г., Вейнхольд Р., Вейсель Б., Зельнов И. Некоторые проблемы этнографической науки в Германской Демократической Республике // Этнография в странах социализма. Очерки развития науки. М., 1975. В этой обзорной работе первая часть посвящена народоведению, вторая — этнологии.
- ⁶⁰ Там же. С. 116.
- ⁶¹ Hager K. Die entwickelte sozialistische Gesellschaft. Aufgaben der Gesellschaftswissenschaften nach dem VIII Parteitag des SED. B., 1972.
- ⁶² Штробах Г., Вейнхольд Р., Вейсель Б., Зельнов И. Указ. раб. С. 117.
- ⁶³ См. Марков Г. Е. Народоведение в годы нацизма. Крушение науки // ЭО. 1993. № 5.
- ⁶⁴ Steinitz W. Die volkskundliche Arbeit in der Deutschen Demokratischen Republik // Studienmaterial für die Bildungs- und Erziehungsarbeit der Volkskunstgruppen // Sonderreihe zur Volkskunstforschung. H. 1; Leipzig, 1954; *idem.* Volkskunde und Volkerkunde // Deutsches Jahrbuch für Volkskunde. B., 1955. Bd. 1.
- ⁶⁵ Jakobowitz W. Bäuerliche Arbeit und Wirtschaft. Ein Beitrag zur wissenschaftsgeschichte der deutschen Volkskunde. B., 1965.
- ⁶⁶ Mohrmann U. Fernstudium in der DDR // Demos. 1970. № 304.
- ⁶⁷ Mohrmann U. Umgang mit Sachen. Zur Kulturgeschichte der Dingegebrauch // Zeitschrift für Volkskunde. 1982. Jg. 78. H. 1—2.

- ⁶⁸ См., например: *Musiak S.* Zur Lebensweise der landwirtschaftliches Gesindes in der Oberlausitz//Schriftreihe des Instituts für sorbische Volksforschung. Bautzen, 1964. Bd. 22.
- ⁶⁹ *Марков Г. Е.* Из истории немецкого народоведения... С. 32.
- ⁷⁰ *Herrgouth A.* Die Situation der Volkskunde in den österreichischen Universitäten//*Ethnologia Europaea.* 1967. V. 1. № 4. S. 254.
- ⁷¹ *Schmidt L.* Volkskunde als Geisteswissenschaft//Handbuch der Geisteswissenschaft. Wien, 1948. Bd 2; *idem.* Volkskunde zwischen Wirtschaftsgeschichte und Kulturgeschichte//*Osterreichische Zeitschrift für Volkskunde.* (N. S.). 1955. Jg. 9; *idem.* Gegenwartsvolkskunde. Wien, 1974.
- ⁷² *Schmidt L.* Op. cit.
- ⁷³ *Kramer D.* «Kreativität» in der «Volkskultur»; *Scharfe M.* Kritik des Kanons//Abschied vom Volksleben. Tübingen, 1970.
- ⁷⁴ *Greverus I. M.* Kulturelle Ordnung//Volkskunde. Fakten und Analysen. Wien, 1972.
- ⁷⁵ *Geramb V.* Um Österreichische Volkskultur. Salzburg, 1946.
- ⁷⁶ *Ibid.*
- ⁷⁷ *Koren H.* Volkskunde in der Gegenwart. Graz; Wien; Göttingen, 1952. S. 16, 17, 32 u. a.
- ⁷⁸ *Geramb V.* Der Volksbegriff in der Geistesgeschichte und in der Volkskunde//*Zeitschrift für Volkskunde.* 1953. Jg. 50.
- ⁷⁹ *Wolfram R.* Plaidoyer für gestalthafte Sehen//*Zeitschrift für Volkskunde.* 1970. Jg. 66.
- ⁸⁰ *Pittioni R.* Volkskunde aus dem Boden//*Volkskunde. Fakten und Analysen.* Verein für Volkskunde im Wien. Sonderschriften. Bd. 2. Wien, 1972.
- ⁸¹ См.; *Марков Г. Е.* Очерки истории немецкой науки о народах. Ч. 2.
- ⁸² *Grunn H.* Volkskunde der Heimatvertriebenen deutschen im Raum Linz. Wien, 1960.
- ⁸³ См., например: *Beitl K., Grieshofer M.* (Hrsg.). Volkskultur. Mensch und Sachwelt. Wien, 1978; *Lisi W.* (Hrsg.). Der gemeine Steier. Wien; Köln; Graz, 1982; *Pittioni R.* Op. cit.; *Schmidt L.* Gegenwartsvolkskunde. Eine bibliographische Einföhrung. Wien, 1976; *Wirth H.* Europäische Urreligion und die Eysterensteine. Wien, 1980; *Гинерих А.* Шаг из тени: современное состояние социальной антропологии в Австрии//ЭО. 1993. № 4. Краткая заметка А. Гингриха посвящена главным образом проблемам австрийской этнологии и только косвенно дает некоторые ориентиры для понимания современных течений в народоведении.
- ⁸⁴ *Hoffman-Kreyer E.* Kleine Schriften zur Volkskunde. Basel, 1946.
- ⁸⁵ *Niederer A.* Die Stellung der europäischen Regionalethnologie an den schweizerischen Universitäten//*Ethnologia Europaea.* 1967. V. 1. № 4.
- ⁸⁶ Schweizerisches Archiv für Volkskunde. Basel; Schriften der Schweizerischen Gesellschaft für Volkskunde. Basel; Die Volkskunde der Schweiz. Basel.
- ⁸⁷ *Niederer A.* Op. cit.
- ⁸⁸ *Weiss R.* Volkskunde der Schweiz. Erlenbach; Zürich, 1946.
- ⁸⁹ *Weiss R.* Op. cit.; *idem.* Volkskunde der Schweiz. Grundriss. Erlenbach; Zürich, 1978.
- ⁹⁰ *Weiss R.* Volkskunde der Schweiz. Grundriss.
- ⁹¹ *Niederer A.* Gegen die Ausklammerung soziologischer Fragestellung in der Volkskunde//*Zeitschrift für Volkskunde.* 1970; Jg. 66; *Trumpy H.* Volkskunde ist eine Geisteswissenschaft//*Zeitschrift für Volkskunde.* 1970. Jg. 66.
- ⁹² *Braun R.* Industrialisierung und Volksleben. Erlenbach; Zürich, 1965; *idem.* Sozialer und kultureller Wandel in einem ländlichen Industrialgebiet. Erlenbach; Zürich; Stuttgart, 1965.
- ⁹³ *Weiss R.* Einführung in den Atlas der schweizerischen Volkskunde. Erlenbach; Zürich, 1950; Basel, 1960; *idem.* Die Brunning-Napp-Reus-Linie als Kulturgrenze zwischen Ost und Westschweiz auf volkskundlichen Karten//Schweizerischer Archiv für Volkskunde. 1962. Jg. 58; Atlas der schweizerischen Volkskunde. Erlenbach; Zürich. T. 1. 1968; T. 2. 1971. Kartenwerk und Kommentar.
- ⁹⁴ Beiträge zur schweizerischen Volkskunde im 18 Jahrhundert. Basel, 1974.
- ⁹⁵ *Hugger P.* Hirtenleben und Hirtenkultur im Waadfländer Jura. Basel; Bonn, 1972.
- ⁹⁶ Die Bauernhäuser der Schweiz. Basel, 1982; Schweizer Dörfer und Stadtchen. Zürich; Stuttgart; Wien, 1982; Schweizerische Volkslieder. Hildesheim; N. Y., 1975; *Peter R.* Enzyklopedie der schweizerischer Volksmusik. Aarau; Stuttgart, 1979; Forschungen zur Rechtsarchäologie und rechtlichen Volkskunde. Hrsg. von L. Karlen. Zürich, 1982.
- ⁹⁷ *Хельблинг И.* Указ. раб. С. 149.

From Decline to Renaissance (German Folklore after World War II: Problems of Theory)

The author describes the current state of research and teaching in the field of Folklore in the post-war West Germany, German Democratic Republic, Austria and Switzerland. Special attention is paid to theoretical research in all the three branches of the «German Folklore».

G. E. Markov